

Ломоносов Михаил Васильевич

**Избранные сочинения М.В.
Ломоносова**

**Москва
«Книга по Требованию»**

УДК 82-1
ББК 84-5
М69

М69 **Михаил Васильевич Л.**
Избранные сочинения М.В. Ломоносова / Ломоносов Михаил Васильевич – М.: Книга
по Требованию, 2023. – 307 с.

ISBN 978-5-519-93839-6

ISBN 978-5-519-93839-6

© Издание на русском языке, оформление
«YOYO Media», 2023
© Издание на русском языке, оцифровка,
«Книга по Требованию», 2023

Эта книга является репринтом оригинала, который мы создали специально для Вас, используя запатентованные технологии производства репринтных книг и печати по требованию.

Сначала мы отсканировали каждую страницу оригинала этой редкой книги на профессиональном оборудовании. Затем с помощью специально разработанных программ мы произвели очистку изображения от пятен, клякс, перегибов и попытались отбелить и выровнять каждую страницу книги. К сожалению, некоторые страницы нельзя вернуть в изначальное состояние, и если их было трудно читать в оригинале, то даже при цифровой реставрации их невозможно улучшить.

Разумеется, автоматизированная программная обработка репринтных книг — не самое лучшее решение для восстановления текста в его первоизданном виде, однако, наша цель — вернуть читателю точную копию книги, которой может быть несколько веков.

Поэтому мы предупреждаем о возможных погрешностях восстановленного репринтного издания. В издании могут отсутствовать одна или несколько страниц текста, могут встретиться невыводимые пятна и кляксы, надписи на полях или подчеркивания в тексте, нечитаемые фрагменты текста или загибы страниц. Покупать или не покупать подобные издания — решать Вам, мы же делаем все возможное, чтобы редкие и ценные книги, еще недавно утраченные и несправедливо забытые, вновь стали доступными для всех читателей.

ПРЕДИСЛОВІЕ

(отъ издателя и редактора).

Сочувственный пріемъ, оказанный нашему школьному изданію сочиненій Пушкина, подалъ намъ мысль издать для школъ сочиненія и другихъ образцовыхъ писателей. На этотъ разъ предлагаемъ сочиненія Ломоносова. Это изданіе предназначается для учениковъ и ученицъ среднихъ учебныхъ заведеній въ качествѣ пособія при изученіи исторіи русской литературы.

Что касается до выбора произведеній, то редакторъ, самособою разумѣется, старался выбрать изъ нихъ наилучшія въ художественномъ отношеніи и наиболѣе характеристическія. Онъ не помѣстилъ даже отрывковъ изъ тѣхъ сочиненій, въ которыхъ Ломоносовъ только пробовалъ свои силы, но не достигъ совершенства. Напротивъ, лирическія произведенія, разсужденія и письма даются въ такомъ количествѣ, что читатель можетъ вынести цѣльное и опредѣленное представленіе о Ломоносовѣ, какъ о поэтѣ, ученомъ и человѣкѣ.

Въ подстрочныхъ примѣчаніяхъ помѣщены краткія историко-литературныя, лексическія и другія объясненія, необходимыя для правильнаго и яснаго пониманія читаемаго ученикомъ внѣ класса, безъ помощи учителя.

Во введеніи предлагается краткій біографическій очеркъ и оцѣнка литературной и ученой дѣятельности Ломоносова.

Къ книгѣ приложены портреты (Ломоносова, Имп. Елисаветы и И. И. Шувалова) и картины, рисованные академикомъ В. Е. Маковскимъ.

О жизни и трудахъ Ломоносова†).

I.

Михаилъ Васильевичъ Ломоносовъ родился въ 1711 году, * въ деревнѣ Денисовѣ (Болото тожъ), расположенной на песчаномъ, низменномъ островѣ, близъ города Холмогоръ. Отецъ его Василій Дороеевъ Ломоносовъ былъ государственнѣйшій крестьянинъ, промысломъ рыбакъ, а мать Елена Иванова была дочь дьякона изъ села Матигоръ, въ сосѣдней волости. Василій Дороеевъ отличался прямодушiемъ, добротою и замѣчательною предприимчивостiю. «Онъ имѣлъ» (говорили про него жители тѣхъ мѣстъ) «въ рыбномъ промыслѣ счастье, а собою былъ простосовѣстенъ и къ сиротамъ податливъ, а съ сосѣдами обходителенъ, только грамотѣ не ученъ». О его предприимчивости свидѣтельствуешь то, что онъ первый изъ крестьянъ той области построилъ и по-европейски оснастилъ на рѣкѣ Двинѣ галіотъ, который прозвалъ «чайкою». На немъ снѣ ходилъ по сѣверной Двинѣ, Бѣлому и Сѣверному морю для рыбныхъ промысловъ; возилъ также по-наиму разные запасы изъ Архангельска въ Пустозерскъ, въ Соловецкій монастырь, въ Колу и другія мѣста. На эти промыслы, соединенные, конечно, съ большими трудами и опасностями, онъ рано сталъ брать съ собою своего единственнаго сына.

† Библиографію о Ломоносовѣ см. въ Сборникѣ отдѣленія русскаго языка и словесности Императорской Академіи наукъ. 1872 года, томъ VIII, № 2: С. И. Пономаревъ: „Матеріалы для библиографіи литературы о Ломоносовѣ“. Въ томъ же VIII, № 1 (.871 г.) помѣщенъ Антона Будиловича „Сборникъ матеріаловъ для разсмотрѣнія авторской дѣятельности Ломоносова“.

*) Годъ рожденія Ломоносова показывается различно: большинство показаній за 1711 г.

Нѣтъ сомнѣнія, что здѣсь именно, среди суровой сѣверной природы, въ опасныхъ и далекихъ плаваніяхъ стала зарождаться въ Ломоносовѣ та необычайная смѣлость характера, которою, какъ увидимъ далѣе, онъ всего болѣе отличался. Неизвѣстно, на которомъ году Ломоносовъ началъ ученіе, говорятъ только, будто бы первымъ его учителемъ былъ крестьянинъ той же деревни Иванъ Шубный, и что Ломоносовъ скоро научился читать церковныя книги. Онъ читалъ въ церкви съ такою охотою, что «нерѣдко биванъ былъ», какъ говорится въ одномъ жизнеописаніи его, «не отъ сверстниковъ по лѣтамъ, но отъ сверстниковъ по ученію, за то что стыдилъ ихъ превосходствомъ своимъ предъ ними произносить читаемое къ мѣсту разстановочно, внятно, а при томъ и съ особою пріятностію и ломкостію голоса.»

Ломоносовъ рано лишился матери. Отецъ его женился на другой женѣ. Злая мачеха причиняла не мало огорченій мальчику. Вотъ какъ онъ отзывался о ней впослѣдствіи: «Я имѣлъ отца хотя по натурѣ добраго человѣка, однако въ крайнемъ невѣжествѣ воспитаннаго, и злую, завистливую мачеху, которая всячески старалась произвести гнѣвъ въ отцѣ моемъ, представляя, что я всегда сижу по пустому за книгами;—для чего я многократно принужденъ былъ читать и учиться, чему возможно было, въ уединенныхъ и пустыхъ мѣстахъ и терпѣть стужу и голодъ, пока я ушелъ въ Спасскія школы». Разсказываютъ, будто Ломоносовъ на тринадцатомъ году «уловленъ былъ раскольниками такъ называемаго толка безпоповщины, держался онаго два года, но скоро позналъ, что заблуждаетъ.»

Въ домѣ крестьянина своей деревни, по имени Христофора Дудина, Ломоносовъ увидѣлъ однажды славянскую грамматику Мелетія Смотрицкаго, ариметику Магницкаго и стихотворную псалтырь Симеона Полоцкаго. Эти книги онъ приобрѣлъ въ собственность и не только прочелъ ихъ, но даже выучилъ наизусть. Изъ нихъ всего больше должна была заинтересовать его ариметика Магницкаго, въ которой, кромѣ правилъ арифметическихъ, помѣщено значительное количество любопытныхъ задачъ, нѣкоторыя правила геометріи и пасхалии. Нѣтъ сомнѣнія, что эти книги, которыя Ломоносовъ называлъ «вра-

тами своей учености», содѣйствовали между прочимъ тому, что онъ задумалъ покинуть свою родную деревню и идти въ Москву учиться наукамъ.

Въ декабрѣ 1730 года Ломоносовъ взялъ себѣ паспортъ въ Холмогорахъ (отъ Милюкова, управляющаго земскими дѣлами) и «выпросивъ у сосѣда своего Ѳомы Шубнаго китаечное полукафтанье и займообразно три рубля денегъ, не сказавъ своимъ домашнимъ, ушелъ въ путь».. Дошедши до Антоніева Сійскаго монастыря, въ ста верстахъ отъ Холмогоръ, онъ остановился здѣсь и отправлялъ нѣкоторое время псаломническую должность, однако пробылъ въ монастырѣ весьма не долго, заложилъ взятое у Шубнаго полукафтанье одному крестьянину, и съ рыбнымъ обозомъ отправился въ Москву.

Въ январѣ 1731 года онъ прибылъ въ древнюю столицу. Разсказываютъ, будто бы «въ Москвѣ, гдѣ у него не было ни души знакомыхъ, спалъ онъ первую ночь на возу. Проснувшись на зарѣ, онъ сталъ думать о своемъ положеніи, и съ горькими слезами палъ на колѣни, усердно моля Бога ниспослать ему помощь и защиту. Въ то же утро пришелъ господскій дворецкій на рынокъ закупать рыбу. Онъ былъ родомъ съ той же стороны и, разговорившись съ Ломоносовымъ, узналъ его. Онъ пріютилъ его въ господскомъ дворѣ между дворнею».

Ломоносовъ поступилъ сначала въ навигацкую школу на Сухаревой башнѣ, «обучаться ариметикѣ», но такъ какъ этой науки ему показалось мало, то онъ вскорѣ перешелъ въ Законоспасскую словено-греко-латинскую школу, назвавшись, какъ говорятъ, поповскимъ сыномъ. О своемъ ученіи въ этой школѣ Ломоносовъ говоритъ: «Обучаясь въ Спасскихъ школахъ, имѣлъ я со всѣхъ сторонъ отвращающія отъ наукъ пресильныя стремленія, которыя въ тогдашнія лѣта почти непреодолимую силу имѣли. Съ одной стороны отецъ, никогда дѣтей кромѣ меня не имѣя, говорилъ, что я, будучи одинъ, его оставилъ, оставилъ все довольство по тамошнему состоянію, которое онъ для меня кровавымъ потомъ нажилъ и которое послѣ его смерти чужіе расхитятъ. Съ другой стороны — несказанная бѣдность: имѣя одинъ алтынъ въ день жалованья, нельзя было имѣть на пропитаніе въ день больше, какъ за денежку хлѣба и на денежку квасу, прочее

на бумагу, на обувь и другія нужды. Такимъ образомъ жилъ я пять лѣтъ и наукъ не оставилъ. Съ одной стороны, пишутъ, что, зная моего отца достатки, хорошіе тамошніе люди дочерей своихъ за меня выдадутъ, которые и въ мою бытность предлагали; съ другой стороны, школьники, малые ребята, кричатъ и перстами указываютъ: смотри де какой болванъ лѣтъ въ двадцать пришелъ латыни учиться». Въ одномъ жизнеописаніи Ломоносова объ этомъ времени сказано: «имѣлъ въ обученіи хорошій успѣхъ; носилъ тогда платье сермяжнаго сукна, черкаскаго покроя, а между прочимъ въ томъ монастырѣ отправлялъ пономарную должность». Другой біографъ прибавляетъ: «Въ монастырѣ обучался Ломоносовъ съ великою охотою и оказалъ примѣрные успѣхи. По прошествіи перваго полугода, перевели его изъ нижняго класса во второй; въ томъ же году изъ втораго въ третій классъ. Черезъ годъ послѣ того столько сталъ онъ силенъ въ латинскомъ языкѣ, что могъ уже на немъ сочинять небольшіе стихи. Тогда началъ учиться по-гречески; въ свободные часы вмѣсто того, что другіе семинаристы проводили ихъ въ рѣзвости, рылся въ монастырской библіотекѣ. Находимыя въ оной книги утвердили его въ языкѣ славянскомъ. Тамъ же, сверхъ лѣтописей, сочиненій церковныхъ отцовъ и другихъ богословскихъ книгъ, попалось въ руки его малое число философическихъ, физическихъ и математическихъ книгъ». Изъ школьных произведеній Ломоносова до насъ дошли только слѣдующіе стихи, написанные за учивенный имъ проступокъ.

/ Услышали мухи /
 Медовые духи,
 Прилетѣвши сѣли,
 Въ радости запѣли.
 Едва стали ясти,
 Попали въ напасти,
 Увязли бо ноги.
 Ахъ, плачутъ убоги:
 Меду полизали,
 А сами пропали.

Сохранился, кромѣ того, учебникъ Риторики (*Artis Rhetoricae praecepta*), писанный рукою Ломоносова и любопытный своимъ

сходствомъ въ нѣкоторыхъ мѣстахъ съ его «Краткимъ руководствомъ къ краснорѣчію».

Науки, преподававшіяся въ Спасскихъ школахъ, не удовлетворяли Ломоносова. Въ 1734 году онъ отправляется въ Кіевъ, въ тамошнюю Академію, быть можетъ, надѣясь найти въ ней преподаваніе наукъ математическихъ и физическихъ. Но Кіевская Академія мало отличалась отъ Московской: Ломоносовъ нашелъ тамъ то же схоластическое преподаваніе словесныхъ и богословскихъ наукъ; поэтому, не пробывъ въ Кіевѣ и одного года, вернулся въ Москву. Однако пребываніе въ Кіевѣ не осталось безъ пользы: здѣсь Ломоносовъ, говорятъ, познакомился съ древними лѣтописцами и съ нѣкоторыми греческими и латинскими книгами, какихъ не нашелъ въ Москвѣ.

Прибывъ изъ Кіева, Ломоносовъ сталъ продолжать ученіе въ философскомъ классѣ; его уже предназначали къ поступленію въ священники въ Корелу, какъ вдругъ неожиданно участь его измѣняется:—въ это именно время изъ Петербурга приходитъ въ Спасскую школу предписаніе выслать лучшихъ школьниковъ въ академическую гимназію для обученія математикѣ, физикѣ и языкамъ. Говорятъ, Ломоносовъ «неотступно просилъ архимандрита (ректора школы), чтобы его туда послалъ». Желаніе его сбылось.

2-го января, 1736 года, онъ прибылъ въ Петербургъ съ своими одиннадцатью товарищами, которые прапорщикомъ Поповымъ были представлены въ Академію наукъ. Но учиться здѣсь было нечему и не у кого; уроковъ въ академической гимназіи почти не бывало, ибо преподаватели—нѣмцы нисколько не заботились о русскихъ ученикахъ. Мало того, прибывшие изъ Москвы школьники, сначала находившіеся на академическомъ содержаніи, вскорѣ перестали его получать такъ что принуждены были подать прошеніе въ Сенатъ о томъ, что терпятъ крайнюю нужду, а въ наукахъ наставленія не имѣютъ; аѣкоторые изъ нихъ «безъ призрѣнія и добраго смотрѣнія (говоритъ Ломоносовъ), будучи въ уничтоженіи, отъ унынія и отчаянія пустились въ подлѣсть и тѣмъ потеряны». Ломоносову впрочемъ и на этотъ разъ счастье не измѣнило, ему недолго пришлось жить въ Петер-

бургъ. Вскорѣ по его прїѣздѣ послѣдовалъ кабинетскій указъ о посылкѣ трехъ студентовъ за границу для изученія горнаго дѣла. Выборъ палъ на него, его товарища по Московской школѣ Виноградова и нѣмца Райзера.

8 сентября, 1736 года, молодые люди отправились изъ Петербурга моремъ въ Любекъ, а оттуда въ Марбургъ подъ смотрѣніе и руководство знаменитаго тамошняго профессора Вольфа, философа и математика. Здѣсь молодые люди должны были пройти общеобразовательный университетскій курсъ естественныхъ и математическихъ наукъ, изучить языки нѣмецкій и французскій, дабы приготовиться къ спеціальнымъ занятіямъ горнымъ дѣломъ у Фрейбергскаго бергъ-физика Генкеля. Они проучились въ Марбургѣ около трехъ лѣтъ.

Относительно успѣховъ Ломоносова, профессоръ химіи Дуйзингъ отозвался, что онъ «съ неутомимымъ прилежаніемъ слушалъ лекціи химіи, читанныя въ теченіе 1737 года и извлекъ изъ нихъ не малую пользу». Вольфъ же далъ ему такой аттестатъ: «Молодой человѣкъ, съ прекрасными способностями, Михаилъ Ломоносовъ со времени своего прибытія въ Марбургъ прилежно посѣщалъ мои лекціи математики и философіи, а преимущественно физики, и съ особенною любовью старался пріобрѣтать основательныя познанія. Нисколько не сомнѣваюсь, что если онъ съ такимъ прилежаніемъ будетъ продолжать свои занятія, то онъ со временемъ, по возвращеніи въ отечество, можетъ принести пользу государству, чего отъ души и желаю». Доказательствомъ успѣховъ Ломоносова служить донесеніе въ Академію на нѣмецкомъ языкѣ (1738 г.), три диссертациі на латинскомъ языкѣ (1. *Specimen physicum de transmutatione corporis solidi in fluidum*. 2. *Dissertatio physica de corporum mixtorum differentia, quae in cohaesione corpusculorum consistit*. 3. *Dissertatio de solutione chymica, ubi operatio illa ad rationes physicas revocatur*) и переводъ съ французскаго оды Фенелона стихами:

Горы толь что дерзновенно
Взносятъ верхи къ звѣздамъ,
Льдомъ покрыты безпремѣнно,
Нерушимъ столбъ небесамъ...

Но при всемъ своемъ прилежаніи и интересѣ къ наукамъ, Ломоносовъ не уберегся отъ тогдашней довольно распушен-

ной и грубой студенческой жизни. Онъ жилъ съ своими товарищами не по средствамъ и надѣлалъ долговъ. Вольфъ писалъ въ Петербургъ: «лучше всего, конечно, будетъ, если они оставятъ университетъ и поступятъ къ химику, потому что у него они не будутъ имѣть той свободы, которой ихъ въ университетѣ никакъ нельзя лишить. Въ нѣмецкомъ языкѣ они уже настолько успѣли, что не только понимаютъ все, о чемъ говорится, но и сами могутъ объясняться по-нѣмецки. Во французскомъ же языкѣ они, по всей вѣроятности, недалеко ушли впередъ, потому что преподаватель этого языка не хотѣлъ ихъ учить безъ платы, а сами они не сочли нужнымъ беречь на это деньги. Болѣе всего я еще полагаюсь на успѣхи г. Ломоносова: онъ повидимому и раскаивается въ сдѣланныхъ долгахъ». Вслѣдствіе этого Академія предписала студентамъ покинуть Марбургъ и отправиться во Фрейбергъ (въ Саксоніи) къ профессору Генкелю.

25 іюня, 1739 года, студенты прибыли во Фрейбергъ. Генкель принялъ молодыхъ людей весьма ласково и въ письмѣ къ барону Корфу защищаетъ ихъ: «могу увѣрить ваше превосходительство, писалъ онъ, что означенное сообщеніе и увѣщаніе (отъ Корфа) выслушали съ должнымъ уваженіемъ и при томъ не безъ замѣшательства сознались, что они въ Марбургѣ дѣйствительно хозяйничали безразсудно, и потому незаслуженную заботливость, съ какою ваше превосходительство изволили поручить мнѣ надзоръ за ними, считаютъ для себя особливимъ благодѣяніемъ. Я, съ своей стороны, столько же увѣренъ въ искренности ихъ чувствъ, сколько уже и замѣчаю въ нихъ необходимую для ихъ занятій способность, охоту и старательность, равно какъ и довѣріе и вниманіе ко мнѣ»... Однако хорошія отношенія между Генкелемъ и Ломоносовымъ продолжались не долго. Первая ссора произошла изъ-за того, что Генкель заставилъ Ломоносова растирать сулему и «когда я (пишетъ Ломоносовъ) отъ онаго отказался, ссылаясь на скверный и вредный запахъ, котораго никто выносить не могъ, то онъ меня не токмо ни на что годнымъ назвалъ, но и спросилъ меня, не хочу ли я лучше сдѣлаться солдатомъ»... Это въ высшей степени оскорбило Ломоносова; кромѣ того, Генкель сталъ въ уплату за ученіе удерживать деньги, отпус-

кавшіся на содержаніе студентовъ, а Ломоносовъ постоянно требовалъ всей суммы сполна. Эти столкновенія кончились полной ссорой: «Когда я ему наше бѣдственное положеніе изъяснилъ (говорить Ломоносовъ) и униженно зачалъ просить о выдачѣ назначенныхъ намъ денегъ, то онъ сперва отвѣчалъ токмо: «ни полущки больше не дамъ», а потомъ началъ осыпать меня всѣми возможными ругательными и повосными словами, выпроводилъ меня кулаками изъ комнаты и при томъ, не знаю почему, грозилъ мнѣ послать за городской стражей». Вслѣдствіе этихъ непріятностей Ломоносовъ оставилъ Фрейбергъ и направился въ Лейпцигъ къ барону Кейзерлингу, русскому посланнику. «Но прибывъ туда 19 мая (пишетъ Ломоносовъ), я къ своему огорченію и несчастію, увѣдомился, что онъ уѣхалъ въ Кассель на предстоящее бракосочетаніе принца Фридриха. Нашедши въ Лейпцигѣ нѣсколько добрыхъ друзей изъ Марбурга, которые хотѣли взять меня съ собою въ Кассель, я рѣшился туда отправиться. Во Фрейбергѣ мнѣ не токмо нечего было ѣсть, но и нечему было болѣе учиться. Пробирное искусство я уже зналъ, курсъ химіи былъ оконченъ, а инспекторъ Кернъ не хотѣлъ начинать, затѣмъ что Генкель вздумалъ вычестъ у него слишкомъ много изъ суммы, назначенной ему Академіею наукъ. У маркшейдера же тому, кто математику лучше его знаетъ, приходится обучаться развѣ только натягиванію межеваго шнура; но вѣдь оному можно научиться, не платя 50 таллеровъ. Прибывъ въ Кассель, я, къ крайнему своему неудовольствію, опять долженъ былъ извѣститься что тамъ ничего о нашемъ посланникѣ не знали. Весьма удивительно мнѣ то показалось, понеже дорогою я въ нѣсколькихъ мѣстахъ о его поѣздкѣ слышалъ. Въ таковомъ отчаянномъ положеніи, не зная, гдѣ находится г. Кейзерлингъ, я почелъ за лучшее отправиться въ Петербургъ чрезъ Голландію (ежели у г. графа Головкина убѣжища себѣ не найду). Сначала я отправился въ Марбургъ, чтобы у старыхъ пріятелей своихъ запастись (деньгами) на поѣздку». Во время этого пребыванія въ Марбургѣ Ломоносовъ женился на Елисаветѣ-Христинѣ Цильхъ, дочери своего хозяина. ремесломъ